

Шафрановый «брат» Версаля

В Латвии отметили 280-летие архитектурной жемчужины Балтии – Рундальского дворца, творение великого русского зодчего итальянского происхождения Франческо Бартоломео Растрелли. Удивительной красоты замок был возведен в Курляндии в 1736 г. по приказу герцога Эрнста Иоганна Бирона - фаворита российской императрицы Анны Иоанновны. А строили архитектурный шедевр в основном простые русские солдаты, крепостные, отправленные из России за сотни километров от родного дома...

В начале этого года на канале Би-би-си был показан мини-сериал по роману «Война и мир», многие сцены из которого были сняты именно в Рундале. Британские кинематографисты выбрали для экранизации бывшую летнюю Курляндскую резиденцию Бирона из-за сходства величественного строения с Эрмитажем и Екатерининским дворцом. (Как-никак все три дворца - «дети» Растрелли). В английской прессе Рундальский замок, окрашенный в желто-оранжевый цвет, журналисты назвали «шафрановым Версалем»...

Жемчужина Растрелли

Но когда в 1735 году Варфоломей Варфоломеевич (а в России к Растрелли обращались именно так), по приглашению влиятельного фаворита Анны Иоанновны впервые прибыл в Курляндию, в маленький поселок Руэнтале – 88 км от Риги, то никаким Версалем здесь и не пахло. Он увидел кругом пустое, довольно унылое и малопригодное для возведения дворца место. «Мама, миа!» - наверняка, воскликнул темпераментный итальянец, искренне не понимая, почему такому богачу понадобилось забираться в такую глухомань. А секрет был очень прост. Это было единственное имение в округе, которое можно было купить, поскольку зажиточные курляндские дворяне в те времена вообще не хотели продавать свои земли. В Руэнтале (так на немецкий манер называлось это место) уполномоченный Бирона оказался опекуном детей умершего хозяина здешнего имения, благодаря чему оно вскоре и было продано любимцу российской императрицы. По счастливой случайности неподалеку сохранились развалины старинного замка, ставшие богатейшим и абсолютно бесплатным источником валунов и кирпичей для будущего архитектурного шедевра Растрелли. Первый камень в строительство Рундальского замка был заложен 24 мая 1736 года. Около тысячи русских солдат, мастеровых Императорской канцелярии от строений и крепостных рабочих – плотники, каменщики, обжигальщики кирпича, столяры

работали здесь, не покладая рук. Обходились они хозяевам стройки сущие гроши, да еще чарка водки и бочонок сельди. Основную плату получали владельцы крепостных душ. Отделочные материалы доставлялись из Санкт-Петербурга. Столичная строительная канцелярия направила в Руэнтале известного столярного мастера и резчика по дереву А.Камаева, художников И.Мизинова, И.Пилугина, И.Евдокимова. Лепной декор стен и потолков создавала бригада Петра Ефремова. Роспись многих плафонов для потолков тоже делали мастера из города на Неве. Со знаменитых тульских металлургических заводов привезли литые украшения для фасадов. Петербургские кровельщики покрыли крышу изготовленными в России листами луженой жести, которая сверкала на солнце, как серебро, что было новинкой в этих краях. Расписанные кобальтом изразцовые печи складывали мастера Невского кирпичного завода, руководимые Иваном Ушаковым. Чтобы ускорить процесс, императрица Анна Иоанновна в 1739 году приказала отправить в Курляндское герцогство всех каменщиков петербургской канцелярии...

Через четыре года это место уже было не узнать, Версаль, о котором грезил герцог Курляндский, начал приобретать свои очертания. Но тут грянул гром, откуда не ждали - в октябре 1740 года, неожиданно скончалась всемогущая покровительница курляндского фаворита – императрица Анна Иоанновна. Через месяц прямо в своем дворце в Петербурге Эрнст Иоганн Бирон был арестован, обвинен в стремлении завладеть российским престолом, и приговорен к смертной казни. Но судьба был милостива к царскому любимчику – казнь заменили ссылкой. В Петербург через 22 года (!) Бирона вернул Петр III, но только при Екатерине II он был восстановлен на герцогском престоле в Курляндии. Все эти годы его замок находился под охраной солдат, по возвращению герцога из ссылки работы по внутренней отделке были продолжены и вскоре завершены... После Эрнста Иоганна в Курляндии правил его сын Петр. Во время нашествия Наполеона в замке пять месяцев квартировал французский корпус, артиллерийский осадный парк, а после тяжелых боев здесь оборудовали лазарет. В этих стенах содержали и попавших в плен раненых русских офицеров.

В 1795 г., после присоединения Курляндии к Российской империи, новым хозяином Рундальского дворца стал Валериан Зубов, а затем его брат - фаворит Екатерины II - Платон Зубов. После его смерти вдова Текла Зубова вышла замуж за графа Андрея Шувалова, в браке у них родилось двое сыновей. До 1920 года Шуваловы и были владельцами дворца в Рундале. Во время Первой мировой войны в замке размещался госпиталь и комендатура немецкой армии, позже часть помещений передали под школу.

Вторая мировая война пощадила чудесное творение Растрелли, он не пострадал ни от бомбежек, ни от нашествий. А вот в последующей мирной жизни дворцу пришлось выдержать немало испытаний на выносливость. В послевоенные годы несколько дворцовых помещений были переоборудованы под зернохранилище. Мешки с овсом и пшеницей складывали прямо на шикарном паркетном полу в парадном Золотом зале и в танцевальном Белом, в бывшей спальне герцога стояли громоздкие металлические весы. А рядом - в бывшей герцогской столовой разместили зерносушилку. Остальные, пригодные к жизни помещения, были отданы школе-интернату.

Ключом и молотком

В парадной столовой Эрнста Иоганна Бирона мальчишки любили играть в баскетбол. Особым шиком считалось попасть мячом в лепное украшение под потолком. Но в XVIII веке лепка была надежной, она выдерживала все. А вот сердце директора Рундальского музея Иманта Ланцманиса каждый раз при этом обрывалось. И он вновь и вновь очень мягко, но настойчиво просил ребят никогда больше так не делать...

Впервые он попал на работу в Рундале в 1964 году, еще будучи студентом-четверокурсником латвийской Академии художеств. И уже тогда Имант поразился необычному контрасту, представшему перед его глазами, видя, как плохо одетые и едва обутые сельские подростки с неукротимой энергией носились по Растреллиевскому замку - среди вычурных герцогских интерьеров, расписных стен и потолков, украшенных библейскими сюжетами... Это был полный сюр! Впрочем, расписных стен оставалось уже немного, к тому времени почти все они были замазаны грубой масляной краской... Сам дворец получил статус филиала Баусского городского краеведческого музей, оставаясь одновременно детским интернатом. Не было ни программы, ни денег, чтобы начать реконструкцию погибающего шедевра великого итальянского зодчего. Более того, об этом в те годы даже заикаться было нельзя, поскольку тогдашний глава Советского Союза Никита Хрущев неодобрительно высказался по поводу расточительного ремонта старинных дворцов и замков. В смысле, что не этой ерундой надо заниматься, а жилье для трудящихся строить. Ударными темпами.

Но дирекции музея все же удалось преодолеть суровые реалии советского бытия, а главное – найти подход к одной влиятельной даме из министерства культуры СССР, оказавшейся близкой родственницей министра культуры Е. Фурцевой. Как бы там ни

было, но в 1965 г. вышло постановление Совмина Латвии о необходимости реставрации Рундальского дворца. Началась работа. Поначалу она проходила в основном в библиотеках и архивах. Иманту пришлось освоить в совершенстве не только немецкий язык, но и научиться разбирать готический шрифт, которым пользовались в XVIII веке. Параллельно сотрудники начали собирать по союзным музеям и комиссионным магазинам вещи для дворца. Помогли коллеги из Риги, Москвы и Ленинграда.

В частных коллекциях приобретались старинная мебель, картины, предметы прикладного искусства, текстиль. Многие экспонаты были основательно потрепаны временем и людьми. Пришлось в 1969 году при Рундальском дворце открыть собственную реставрационную мастерскую. И пригласить сюда специалистов.

Пока в замке шла подготовка к масштабным работам, сотрудники дворца-музея получили возможность побывать на многих крупных объектах Москвы и Ленинграда и посмотреть, как работают мастера разных реставрационных школ и направлений. И выбрали лучших из лучших. В 1972 году в Рундале были приглашены ведущие в Союзе специалисты-реставраторы. Среди мастеров, работавших здесь в 1970-е годы, особенно много было ленинградцев.

Двадцать лет – с 1972 по 1992 годы – жизнь в старинных залах Биронского замка можно сказать громко била ключом и молотком. Это был период самых активных реставрационных работ. Работники музея подсчитали, что за эти двадцать лет в ремонтные работы было вложено 6 миллионов 700 тысяч советских рублей. Подсчитали и сами удивились - как мало. И еще больше поразились, как много было сделано за каких-то жалких 6-7 миллионов «деревянных»... Дворец заблестел позолотой и вообще полностью преобразился, обновился и его фасад, в залах появился чудесный паркет, отремонтировали крышу, восстановили двери, плафоны, провели новые коммуникации. Сегодня, когда несколько миллионов долларов (не рублей!), порой уходит на строительство иного частного дома, это кажется фантастическим...

В 1975 году Иманта Ланцманиса назначили директором Рундальского дворца-музея. В этом качестве он трудится здесь и по сей день. В конце 1980-х годов ему удалось установить дружеские контакты с потомками Эрнста Иоганна Бирона. Первым был адвокат из Западного Берлина – Герхард Вульффиус. Он был известен тем, что всю свою жизнь страстно изучал все, что связано с историей Биронов. Бабушка немецкого адвоката была урожденной графиней Соллогуб, которая приходилась родной дочерью графини

Луизы Карловны Виэльгорской. Графиня же в свою очередь была дочерью младшего сына герцога Эрнста Иоганна Бирона. Директор Рундальского музея впервые посетил дальнего потомка герцога Бирона в 1987 году. И был поражен его коллекцией, которую берлинский адвокат собирал по всему миру. Отдельная комната была отведена под книги, где хотя бы один раз упоминался кто-либо из герцогского рода. В его коллекции было более 200 подлинных писем герцогини Доротеи Курляндской и множество предметов искусства бироновской эпохи.

С того года и вплоть до своей смерти в 1990 году Герхард Вульффиус был большим другом и опекуном Рундальского замка. В 1990 году он собирался приехать сюда на выставку, посвященную 300-летию со дня рождения Эрнста Иоганна Бирона. Но за три дня до ее открытия неожиданно скончался. А за два дня до своей смерти адвокат позвонил Ланцманису и сообщил, что только что написал завещание, по которому он хочет передать латвийскому музею все свои курляндские ценности...

А дальше все было в духе Агаты Кристи. После смерти одного из ведущих коллекционеров Германии его завещание таинственным образом исчезло... И в Рундальском дворце остались только те вещи, которые он успел когда-то лично передать ему в дар – подлинный книжный шкаф из личной библиотеки герцога Курляндского, его кресло, фарфор и книги. Завещание так и не было найдено. Где сейчас находится уникальная коллекция адвоката Вульффиуса, тоже неизвестно ...

«Он имел несчастье быть немцем...»

После этого опекуном дворца стал прямой потомок Эрнста Иоганна Бирона и полный его тезка, который живет в Баварии и носит титул принца Бирона Курляндского. Современный принц – немецкий ученый физик, правда, уже давно на пенсии. Он много лет возглавляет Фонд поддержки Рундальского дворца, в дар которому официальный наследник герцога Курляндского в 2014 году преподнес 11 дубовых книжных шкафов для библиотеки герцога. Шкафы были изготовлены по образцу оригинала – того самого единственного герцогского шкафа, который успел передать в музей так не вовремя скончавшийся немецкий адвокат...

Директор музея в разговоре со мной обмолвился, что он в течение последних пятидесяти лет своей жизни живет в каком-то смысле под гипнозом герцога Курляндского. Часто он мысленно сверяет с ним все свои шаги по реставрации дворца, прикидывая, одобрил бы это бывший хозяин Рундале, понравилось бы ему та или

иная вещь, которую он собирается приобрести для дворцовой коллекции... Когда шла подготовка к 300-летнему юбилею бывшего владельца Рундальского замка, директор музея дни и ночи напролет проводил за изучением личных архивов герцога Курляндского. Прочитал множество его писем и документов.

- Вы знаете, когда я изучал переписку герцога, мне он стал гораздо ближе и понятнее как человек. Хотя занятие это было не из легких, почерк у Бирона был таким же, как и его характер – нервным, заостренным, дерганным. Стиль – повелительным и страстным, - поделился Имант своими открытиями.

- Но, что вам этот, давно уже ушедший в прошлое, фаворит русской императрицы? – поинтересовалась я у своего собеседника. – Мы же с вами знаем из истории и про «бироновщину», и про репрессии, и подавление инакомыслящих...

- Александр Пушкин как-то сказал про Бирона: «Он имел несчастье быть немцем, на него свалили весь ужас царствования Анны Иоановны... Впрочем, он имел великий ум и великие таланты». От себя же добавлю, что именно герцогу Курляндскому Латвия обязана двумя самыми ценными архитектурными строениями – Рундальскому замку и Елгавскому дворцу, - не согласился со мной доктор искусствоведения, собравший колоссальную коллекцию исторических экспонатов и архивных материалов по истории всего рода Биронов.

Справедливости ради, уже от себя, добавлю, что и герцогу Курляндскому в определенном смысле повезло, что именно этот человек взял на себя тяжелую ношу по спасению его владений. Имант Ланцманис не только сохранил, но и многократно приумножил богатства Рундальского замка. Хотя порой ему и казалось, что крах неминуем...

О меценатах и друзьях

В 1992 году, когда прекратилось финансирование всех реставрационных работ дворца, судьба уникального Рундальского комплекса вновь была подвергнута большому испытанию. Не на что было отремонтировать протекающую крышу, не знали, как спасти парадную лестницу, где взять средства для консервации плафонов... Наверное, надо было походить с протянутой рукой по «новым» русским и латышам. Но Имант не смог.

- Да, я, наверное, поступал не совсем правильно, - посокрушался директор музея. – Кто громко просит, тот хоть что-то получает. А я этого не делал. Понимаете, не смог я пасть на колени. Не смог!.. Думаю, и герцогу Бирону это было бы неприятно. Впрочем, каюсь - я все же отправил несколько писем ведущим латвийским банкирам с просьбой помочь музею в реставрации фонтана. Ответа не получил ни одного...

Уникальному творению итальянского зодчего в те непростые годы могло помочь только чудо. И оно случилось. В виде русских меценатов.

В 1996 году в Рундале заехал тогда еще мало кому известный рижский бизнесмен Борис Тетерев с супругой, живший в те годы больше в Москве, чем в Латвии. Он купил билеты и заказал небольшую экскурсию по музею. Дворец был почти пустой, администратор музея, искусствовед Елена Форсте провела гостей по залам дворца, поведав рижанам историю курляндского фаворита российской императрицы. Рассказала и про судьбу Растреллиевского дворца, переживающего период кризиса. С грустью оглядев запущенный, но не утративший очарования будуар герцогини Курляндской Доротеи, супружеская пара поинтересовалась у администратора, во что обойдется реставрация этого помещения. Борис Тетерев попросил посчитать еще и стоимость ремонта наружной боковой лестницы замка, которая почти полностью сгнила и портила вид парадного двора. Елена обещала все разузнать и позвонить, не приняв всерьез слова посетителей. Ну, мало ли любопытных приезжает? Но смету она все же им составила и отправила. На все требовалось около двадцати тысяч долларов... Через несколько дней, к огромному удивлению директора музея, вся сумма поступила в их распоряжение. А в скором времени изящный будуар герцогини Доротеи с нишей-альковом и стенами, обтянутыми брошированным шелком с вытканым кружевным орнаментом, уже встречал первых посетителей, которые поднимались в музей по великолепной, недавно отремонтированной лестнице.

Увидев, что его пожертвования все до копейки были использованы по прямому назначению, Тетерев тоже вошел в азарт и продолжил сотрудничество с Рундале. Оно длится почти уже двадцать лет. За эти годы здесь, благодаря поддержке благотворительного фронда Тетеревых, вслед за будуаром получили второе рождение - спальня и туалетная комната герцогини, рабочий кабинет и личные апартаменты герцога Курляндского, Большая 30-метровая галерея, соединяющая Золотой и Белый залы, Бильярдный зал герцога, фарфоровый кабинет, большая библиотека Эрнста

Иоганна Бирона... В возрождение Рундальского ансамбля Тетеревы, которых директор музея называет ангелами-хранителями дворца, вложил уже более миллиона евро, что значительно превышает сумму, за которую 280 лет назад этот шедевр здесь был построен. Только за два последних десятилетия было отреставрировано и воссоздано более 50 помещений и интерьеров в стиле рококо, включая паркет и мебель прежних веков. В 2007 году Рундальский дворец был включен в Список культурного наследия Европы. А в 2014 году, когда Рига была избрана культурной столицей Европы, директор музея объявил о полном завершении реставрации Рундальского замка. Эпоха упадка к огромной радости всех ценителей прекрасного закончилась подлинным возрождением главной архитектурной жемчужины Латвии.

За свой труд по сохранению «шафранового Версаля» И. Ланцманис был отмечен высшей наградой Франции – орденом Почетного легиона. В латвийских СМИ его теперь так и называют – командором Рундальского дворца.

Мужчина в папaxe

- Наша задача с самого начала была немножко сумасбродной, - признается Имант Ланцманис, с которым мы вместе осматриваем новые приобретения музея. – В далекие 60-е годы мы мечтали в пустом дворце возродить атмосферу герцогского времени. И сегодня в какой-то мере нам это удалось. Конечно, что касается живописи, у нас уже никогда не будет картины Рембрандта, которая была украшением богатейшей коллекции Биронов. На зато у герцога не было так много предметов мебели, сколько нам удалось собрать! У него не было столько часов XVIII века в стиле рококо, барокко и классицизма! И еще многого чего не было, чем мы очень гордимся сегодня...

Когда в начале 2000-х годов в помещениях музея начались долгожданные реставрационные работы, Имант вместе с супругой Евой (художником-реставратором, увы, несколько лет назад ее не стало...) то и дело прибегали посмотреть, что нового открылось под грубой краской, снятой со стен или потолков. В некоторых дворцовых залах художественные росписи на стенах безбожно и многократно закрашивались, причем, это делали и в XIX веке, и позже. Когда специалисты слой за слоем, очень осторожно очистили стены в главном рабочем кабинете герцога, то взору взволнованных сотрудников музея открылась хорошо сохранившаяся настенная роспись. Вот появились первые причудливые узоры, вот из небытия вдруг выплыл рог изобилия... Как вспоминает Имант, они с Евой

чуть ли не затанцевали от восторга! Это было очень волнительно и радостно, такая красота открылась миру!

- У нас сохранились давние связи с питерскими коллегами Русского музея, и эти контакты продолжают приносить пользу музею, - рассказал И. Ланцманис. – Сейчас мы ведем активную переписку с Эрмитажем, с русскими искусствоведами и частными коллекционерами, т.к. хотели бы издать каталог портретов XVIII века. Есть еще одна давняя мечта... Я уже лет сорок призываю коллег взяться всем вместе за издание новой монографии, посвященной творчеству Франческо Бартоломео Растрелли. Я предлагал коллегам поделиться имеющимися материалами и наработками по дворцам работы итальянского зодчего. И затем совместно издать прекрасно иллюстрированное издание, возможно, даже в нескольких томах. Великий Растрелли, несомненно, этого заслуживает! У нас есть его эскизы и планы дворцов в Рундале и Елгаве (Миттавский дворец, где сейчас располагается Сельхозакадемия). Сохранились его архивы, переписка, разные записки и донесения в Петербург. Надеюсь, что нам все же удастся воплотить эти задумки в жизнь.

Директор музея поделился с нами планами и по воссозданию в восточной части комплекса большой теплицы, которая когда-то здесь была устроена по настоянию Теклы Шуваловой. Она выращивала экзотические цветы и растения. Сохранился инвентарный список растений шуваловской оранжереи, и музею удалось собрать почти все. Они должны стать прекрасным дополнением к знаменитой коллекции роз, которые уже долгие годы выращивают в чудесном Рундальском парке, занимающем территорию в 70 гектар...

Мы заходим в комнату с портретами известных курляндцев. На видном месте - портрет первого Курляндского губернатора графа Палена Петра Алексеевича. Да-да, того самого, вошедшего в историю Российской империи, как цареубийца, участник заговора против Павла I! Пален был похоронен в 1826 г. в небольшом поселке по дороге в Ригу. Согласно его завещанию, опальный граф был погребен не в склепе, а на глубине 8 футов под ним. Это было весьма предусмотрительно, т.к. здесь его прах никто и никогда не тревожил. На месте захоронения нет ни герба, ни надписи. Сохранились лишь записи в церковных книгах.

- А вот, что у нас еще есть из последних находок, - директор музея с гордостью показывает на бюст braveго офицера с лихо закрученными усами и в папахе. Нет, не Чапаев! – Это последний владелец Рундальского дворца граф Андрей Петрович Шувалов, знаменитый русский генерал, участник русско-японской, Первой

мировой войн и Белого движения. Генерал числился в списках Терского казачьего войска, и здесь он как раз изображен в казацком обмундировании. В отличие от Бирона, наследников у Шуваловых не было, сам он умер в 1928 г. в Монте-Карло. Когда мы работали над этим помещением, посвященному роду Шуваловых, мы пытались воссоздать здесь все, как это могло быть в их эпоху. И единственное, чего здесь долго не доставало – я не мог найти ни одного достойного портрета или приличной фотографии доблестного генерала. Выручил, как это часто бывает, случай...

Год назад директор Рундале приехал к коллегам в Ригу в Художественный музей, чтобы подобрать в фондах восемь копий античных скульптур для украшения Библиотеки герцога Бирона. Это было как раз вскоре поле пожара в Рижском замке, в связи с чем все картины и экспонаты были упакованы и подготовлены к вывозу в другое место. Имант, довольный только что найденными скульптурами, уже продвигался к выходу, когда вдруг ему на глаза попался ярлычок, выглядывающий из одной упаковки. Машинально наклонившись, хранитель истории Рундальского дворца поднимает пленку, укрывавшую большой бюст, и читает надпись на ярлычке: «Вера Шувалова. Мужчина в папаше». И больше ничего! Но Имант Ланцманис-то прекрасно знал, что Вера - супруга генерала Шувалова, Вера увлекалась скульптурой. А уж кто такой «мужчина в папаше» для него было ясно с первой же секунды, как только он снял упаковочную пленку с бюста!

Имант и сейчас смеется от удовольствия, рассказывая эту историю. И пусть выразительный мужской бюст прекрасной работы передан его музею лишь на временное хранение, но он по праву занял центральное место в шуваловской экспозиции. Мы прощаемся с боевым генералом, проходим через комнату братьев Зубовых – Валериана и Платона, чьи изображения висят справа и слева от парадного портрета Екатерины II, и попадаем в огромный Белый зал, богато украшенный ангелами, амурами, райскими птицами и цветами. Когда-то здесь проводили балы, на которые съезжалась вся местная аристократия. (О печально-зерновом периоде парадного танцзала мы уже упоминали).

От готики до модерна

У входа в Белый зал привлекает внимание портрет милой девчушки с цветочками в руках. Это - дочь рижского бургомистра Анна Хайдвинкеле. Она осталась в истории, как девочка, вручившая букетик цветов российской императрице Екатерине II, во время краткого монаршего визита в латвийскую столицу в 1764 г. Для

самой царицы поездка оказалась не самой удачной, ведь именно в Риге ее застала весть о заговоре против нее и попытке освободить из крепости опального Ивана VI Антоновича...

Обойдя еще несколько помещений, через Большую расписную галерею мы попадаем в открытый три года назад при Рундальском дворце небольшой Музей европейского декоративно-прикладного искусства. Здесь 15 залов с художественными экспонатами, по которым можно изучать развитие декоративно-прикладного искусства, начиная от готики, рококо и до стиля модерн, то есть – до Первой мировой войны. Это тоже была давняя задумка Иманта Ланцманиса, который 17 лет преподавал студентам Академии художеств историю стилей. Теперь у них есть возможность своими глазами увидеть чудные образцы искусства разных исторических эпох, собранные сотрудниками музея в Европе и других странах мира. Но и в Латвии не обошлось без сенсационных находок. И одна из них – три золотых женских колечка – гордость коллекции Рундальского музея. Их появление здесь - это настоящий исторический детектив. Его корни уходят в далекий 1609 год.

В том году герцог Вильгельм Курляндский, чей портрет мы видим в первом готическом зале, посватался к прусской принцессе Софии, вручив ей золотое колечко с бриллиантом. София вышла за него замуж, через год в Берлине родила герцогу наследника, но умерла при родах 28 лет от роду... Ее останки были привезены в Курляндию только в 1643г. и помещены в один гроб с мужем в Елгавском склепе. В 1705 году саркофаг был ограблен шведскими солдатами. В архиве есть протокол, составленный самим Петром Первым, который руководил осадой замка. Обнаружив разоренные саркофаги, российский император вызвал шведского коменданта и велел ему предоставить опись всего, что было в склепе. В той петровской описи упоминался лишь передник прусской принцессы, никаких украшений указано не было!

И вот прошло триста десять лет ... В конце прошлого года сотрудники Рундальского музейного комплекса проводили реставрацию Елгавского саркофага. В таких случаях обычно все лишнее содержимое ящиков, включая камешки под ними, песок, остатки грунта, тщательно сметается в мешочек, и укладывается рядом с гробом. И на этот раз все хотели сделать точно также. Но по какому-то недоразумению мешок со всем этим историческим мусором привезли в Рундальский музей и передали реставраторам, чтобы те потом сами уложили его в склеп. Содержимым заинтересовалась девушка-реставратор, изучающая текстиль средних веков. В надежде найти хоть какой-то обрывок ткани, любознательная девушка тщательно перебрала пинцетом все

камешки. И вдруг... зацепилась за золотое колечко! Она тут же позвонила директору. Имант примчался в мастерскую, и ... глазам своим не поверил. Это было кольцо принцессы Софии, 1609 года! Как такая драгоценность три долгих и бурных века незамеченной пролежала в склепе? Куда это колечко закатилось, что даже ограбившие саркофаг шведские солдаты его не обнаружили?.. Воодушевленный уникальной находкой директор музея попросил сотрудницу еще раз более тщательно осмотреть все, что было привезено из Елгавского склепа. На следующий день опять звонок – девушка нашла второе колечко, золотое, того же периода. Целое и невидимое! Вы не поверите, но еще через два дня в самом последнем комочке с древним мусором было обнаружено третье и самое ценное колечко Софии – то самое обручальное, с бриллиантом, которое ей в 1609 году вручил влюбленный герцог Вильгельм Курляндский! Сохранилась и монограмма на ободке –

W. S., Вильгельм и София. Сенсационную находку поместили в музее прямо напротив портрета герцога, чтобы он мог ими любоваться и вспоминать так рано покинувшую его принцессу...

Наша увлекательная четырехчасовая экскурсия по шедеврам и сокровищам Рундальского замка, блестяще проведенная накануне его 280-летия самим Командором ордена Почетного легиона – редкая удача! – подходит к концу. Вот уж пройдены все декоративно-прикладные залы музея в музее - рококо, раннее фламандское барокко, итальянский ренессанс, позднее барокко, мейсенский и севрский фарфор, коллекция керамики... И вот наконец он – тот самый подлинный книжный шкаф, принадлежащий когда-то Эрнсту Иоганну Бирону и подаренный музеем немецким адвокатом. Он стоит нынче здесь, в музее стилей – как образец местного рококо. Вернее, по уточнению доктора искусствоведения, как курляндские мастера XVIII века представляли себе стиль рококо - тщательно выполненный орнамент, но с легким привкусом местного примитива. Хотя, признаться, волнует не это. А именно тот факт, что когда-то к дверцам этого уважаемого господина-шкафа прикасалась рука очень близкого друга российской императрицы Анны Иоанновны – герцога Бирона, милостиво прощенного позже и самой Екатериной Великой. Таким образом, через книжный шкаф герцога Курляндского, мы сегодня можем мысленно соприкоснуться не только с двумя императрицами Российской империи, но и со всем непростым веком нашей - тогда еще общей - истории.